

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Ю.Н. ДАВЫДОВ

"БОЛЬШОЙ КРИЗИС" В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭВО- ЛЮЦИИ П.А. СОРОКИНА

В российской литературе, посвященной осмыслению (нередко запоздалому) теоретического наследия соотечественников, в силу исторической судьбы собственной страны вынужденных большую часть жизни провести за рубежом, не встретив и там адекватного понимания, воспроизводится один покаянный ритуал. Он повторяет интерпретаторскую процедуру, которой до сих пор у нас подвергаются западные идеи и концепции. Смысл ее заключен в знаменитой иронической формуле: "Что на Западе – гипотеза, в России – аксиома". И сегодня возникают отнюдь не беспочвенные опасения, что аналогичная судьба может постигнуть и теоретическое наследие П.А. Сорокина.

О том, что такого рода опасность вполне реальна, свидетельствовали, в частности, выступления некоторых российских участников международного симпозиума "Питирим Сорокин и главные тенденции нашего времени" (Москва – Санкт-Петербург, 4-9 февраля 1999 г.), посвященного 110-летию со дня рождения выдающегося российско-американского социолога. Речь идет о тех выступлениях и материалах симпозиума, авторы которых начинали рассуждения о Сорокине с конца – с заключительного этапа его идейного развития (резюмированного им в небольшой книжке "Главные тенденции нашего времени", впервые опубликованной в США в 1964 г.) – и оставляли без внимания генезис "итоговых прозрений" социолога и социального философа. А поскольку энтузиастически настроенные комментаторы, сами того не замечая, оказывались наглухо замкнутыми в рамках "окончательных" сорокинских формулировок, они невольно вставали на путь их омертвляющей догматизации. Иначе и не может быть, когда живые и плодотворные идеи (пусть даже из самых лучших соображений) рассматриваются в отрыве от "долгой дороги", ведущей к ним, от мучительных сомнений и горьких раз-

Давыдов Юрий Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведомом Института социологии РАН. Адрес: 117259 Москва, ул. Кржижановского 24/35, строение 5. Телефон: (095) 719-09-40. Факс (095) 719-07-40.

очарований, которые пришлось испытать автору на пути "трудной работы понятия", как сказал бы Гегель.

В аналогичных случаях вряд ли возможно избежать опасности невольно "выпрямить" идейную эволюцию П.А. Сорокина (а то и полностью "отвлечься" от нее), за что неизбежной платой становится элиминация целого ряда конкретных проблем, решение которых шаг за шагом приближало ученого к "итоговым решениям". И тут возникает соблазн повторения еще одной "интерпретаторской" операции, также издавна практикуемой в России по отношению к мыслителям, попавшим в фокус запоздало-покаянного интереса: там, где у самого П. Сорокина стоял требовательный знак вопроса, водрузить торжественный знак восклицания. Так совершается обряд мифологизации мыслителя, неизменно предстающего перед нашим склонным к гипертрофии "теоретическим воображением" в образе, напоминающем мифическую Афродиту, изначально явившуюся на свет во всеоружии окончательной мудрости.

Но, кроме всего прочего, при такой идеологизирующей догматизации "образа" Сорокина из поля зрения "узких сорокиноведов" исчезает еще один существенный момент. Утрачивается понимание глубокой внутренней сопряженности между судьбой Сорокина, которому довелось на собственном жизненном опыте испытать и кошмары большевистской революции с ее "ревтрибуналами", и голод, усугубляемый разрухой, и невзгоды вынужденной эмиграции, с одной стороны, и его научным творчеством, в котором – на одном из важнейших переломных периодов теоретической эволюции – особое место заняли социологические проблемы революции и голода. А вместе с утратой понимания этой связи исчезает и отчетливое представление как о том, с чем был связан пафос творчества Сорокина-социолога и социального философа, изначально одушевленного стремлением рационально познать свою родину, поняв ее (в противовес тютчевской формуле) именно "умом" (каковой он долгое время отождествлял с западной социологической наукой), так и о том, в чем заключалась трагедия сорокинского творчества, исполненного не только приобретений, но и утрат – отказов от того, чему он "поклонялся" прежде. Трагедия, которую невозможно не только понять, но и просто-напросто заметить, если рассматривать идейную эволюцию Сорокина как бы сквозь перевернутый бинокль, ибо это – неизбежная издержка "ретроспективного" подхода к творчеству любого мыслителя (от конца пути – к началу).

Нормальная оптика, учитывающая как логико-теоретическую, так и конкретно-историческую последовательность теоретических переворотов, дает возможность по крайней мере некоторые из них сопоставить с теми, какие двумя десятилетиями раньше пережили крупнейшие западные социологи Г. Зиммель и М. Вебер. И у них, и у Сорокина – это явления "кризисного сознания", которые был симптомом и ферментом "большого кризиса" социологии, начавшегося "на переломе" от XIX в., века социологической классики, к XX, когда возникла и делала свои первые решительные шаги другая социология. Она заслуживает названия неклассической, поскольку была формой разложения своей предшественницы – классической социологии XIX в. Правда, в последней четверти XX в. оба основоположника не-

классической социологии были названы классиками социологической науки "как таковой".

Поскольку эта тема, к сожалению, не прозвучала на юбилейном симпозиуме (и отчасти именно по причине догматически-"ретроспективного" видения теоретической эволюции Сорокина), следует специально подчеркнуть, что упомянутый "большой кризис" не остался бесследным и для его социологических исканий. Хотя и с некоторым запозданием, связанным с "догоняющим развитием" российской социологии вплоть до большевистской революции 1917 г., в русле которого проходила и творческая эволюция Сорокина, "девятый вал" этого кризиса докатился, наконец, и до творческой лаборатории молодого, но многообещающего автора, только что издавшего первые два тома "Системы социологии". Учитывая, что они были выполнены в традициях классической социологии XIX в., а работы, написанные Сорокиным в 1920-е годы, уже носили на себе все более резкие отпечатки новых – глубоко кризисных – явлений (правда, имеющих своим источником не столько аналогичные внутритеоретические сдвиги в западной, особенно немецкой, социологии, сколько социально-политические катаклизмы в самой России), можно констатировать, что на рубеже 1910-х – 1920-х годов в сорокинском теоретическом сознании обозначились глубокие трещины, аналогичные разрывам между классической и "неклассической" версиями социологической науки. Вот эти-то теоретические коллизии, обостренные и углубленные жизненной ситуацией Сорокина, вызвали первый, но едва ли не самый глубокий идейно-теоретический кризис молодого автора широко замысленной "Системы социологии", резко оборвавший дальнейшее системотворчество.

Первым признаком весьма серьезного "сдвига" воззрений Сорокина к "кризисному сознанию" стал решительный отказ от идеи прогресса, лежавшей в фундаменте классической социологии, – идеи, которая вызывала у него углублявшиеся сомнения еще до большевистской революции. Для социолога, сперва отдавшего "дань молодости" революционному движению, а затем оказавшегося свидетелем и жертвой "революционной диктатуры", стало, наконец, совершенно очевидным внутреннее родство "идеологии" (если не сказать "религии") Прогресса, в который свято верила российская западнически ориентированная интеллигенция, с одной стороны, и всех форм революционаризма (от умеренно-либеральных до экстремистски-террористических) – с другой. В поисках систематически продуманной альтернативы любым вариантам прогрессизма, не только откровенно революционаристскому, но и расплывчато либеральному, Сорокин приходит к радикальному циклизму, положив его в основание своего мировоззрения и собственной версии социологической теории.

Необходимость акцентировать связь между окончательным разрывом Сорокина с прогрессистским мировоззрением и (одновременным) переходом на позиции радикального циклизма вызывается здесь целым рядом соображений как узко "сорокиноведческого", так и более общего характера. Прежде всего, эта необходимость обусловлена тем парадоксальным обстоятельством, что у нас до сих пор не только не тематизирована и должным образом не осмыслена, но даже и не замечена вся глубина теоретико-

методологической (не говоря уже о мировоззренческой) противоположности между прогрессизмом и циклизмом. Ее просто игнорируют, когда истолковывают сорокинский циклизм в духе идеологии прогресса. А потому остается не замеченным и тот радикальный переворот – как мировоззренческий, так и теоретико-методологический, – с которым связано решительное самоутверждение Сорокина-социолога и социального философа на позициях циклизма. К тому же циклизма радикального – отвергающего идею "Прогресса" даже в диалектически рафинированной версии "спиралевидного развития", в рамках которой допускаются и отклонения (разумеется, "временные") от "генеральной линии" поступательного движения как ("в конечном счете") его необходимые "моменты".

Между тем, лишь в контексте именно такого – принципиального и последовательно продуманного – противоположения циклизма прогрессизму можно правильно понять (и по достоинству оценить, чего у нас до сих пор не произошло) сорокинское толкование "флуктуаций" как "бесцельных", то есть "ненаправленных", циклов. Иначе говоря, циклов, которые невозможно ни нанизать на гипотетический шампур прямой "линии прогресса", ни встроить в воображаемую "диалектическую спираль", также (якобы) ведущую к его, прогресса, "конечной цели". К такому толкованию "бесцельных циклов" Сорокин подходил в процессе работы над проблематикой "Социологии революции", к которой его подталкивала знаменательная "встреча" двух, казалось бы, совершенно разнородных импульсов – практически-жизненного, с одной стороны, и собственно теоретического – с другой. Личный опыт "переживания и изживания" большевистской революции привел Сорокина к убеждению в ее бессмысленности, поскольку сами ее инициаторы пришли в конце концов к осознанию необходимости реставрировать (хотя и под другими названиями) как раз то, с разрушения чего – "до основанья"! – они начинали "мировой пожар". Это ли не фактическое свидетельство объективной "бесцельности" российского революционного цикла, в котором отчетливо обозначились две взаимоисключающие, хотя и предполагающие друг друга, фазы – разрушения и реставрации.

Сорокин-социолог, отличавшийся широчайшим историческим кругозором, не мог не попытаться сопоставить российскую революцию с теми, о которых ему было хорошо известно из обширной западной литературы. А это далеко не одна лишь "Великая французская революция", на которой буквально "зациклились" все российские революционеры (причем, не одной только большевистской ориентации). В ходе постоянных экскурсов в историю, сопровождавших конкретный анализ феномена большевистской революции, Сорокин и натолкнулся на поразившую его сопряженность двух вполне конкретных фактов. С одной стороны, множественности и соответственно разнообразия революций, имевших место в мировой истории, которые тем не менее не противоречили общему выводу о повторяемости этого социального феномена, а с другой – единообразия двух фаз, отчетливо различаемых во всех без исключения революционных циклах: разрушительной и восстановительной ("реставративной").

Согласно Сорокину, структура каждого из таких циклов, фазы которого оказывались "безысходно" замкнутыми друг на друга, исключала возмож-

ность представить переход от первой из них ко второй как "линию" или хотя бы "тенденцию" прогресса. Тем менее возможным считал он рассмотрение такого рода циклов в качестве необходимых (или даже важнейших, как считали марксисты) этапов "поступательного развития" человечества в целом. Его характеристика революционных "флуктуаций" как "бесцельных" или "ненаправленных" свидетельствовала об именно таком – и никаком ином – их понимании. Хотя революционные "флуктуации" и повторялись в истории множество раз, по убеждению П. Сорокина, эту повторяемость невозможно рассматривать как "закономерную связь" между ними, тем более, что вообще не имеет смысла говорить об "исторических законах", которые с такой легкостью (и в таком множестве) "открывали" социологи XIX в.

Смысл сорокинской постановки вопроса заключался в последовательной радикализации альтернативы, которую вообще не замечают некоторые из наших исследователей: или исходить из признания наличия в общественной жизни "феноменов повторения, колебаний, флуктуаций и циклов", или из (никем еще не доказанного) постулата о существовании, согласно Сорокину, так называемых "тенденций эволюции" (либо "исторических тенденций"), "исторических закономерностей" (либо "законов прогресса и эволюции", "законов исторического развития" и пр.), каковые, по его ироническому замечанию, в прошлом веке насчитывались уже "сотнями" [1, с. 310]. Заостренная формулировка этой альтернативы свидетельствовала о решающем выборе, который сделал молодой автор "Системы социологии", чье теоретическое возмужание, предполагавшее окончательное освобождение от всех прогрессистски-революционаристских иллюзий, совсем не случайно пришлось на годы российского "революционного террора", голода и разрухи.

Тем самым имеется больше оснований подчеркивать важность и значимость идеи циклизма как нового системообразующего постулата, определившего общее направление последующей эволюции зрелого Сорокина. В нем предстали сплавленными воедино, с одной стороны, (существенно скорректированное) мировоззрение ученого, а с другой – радикально обновленная версия конкретно-социологической теории, поддающейся операционализации и открытой для эмпирической верификации в каждом отдельном случае. А, кроме того, необходимо обратить внимание на еще один момент, принципиально важный не только с точки зрения значимости для индивидуальной идейной эволюции Сорокина, но и для оценки его значения в гораздо более широком контексте возникновения и развития на Западе "неклассической" версии социологии, персонализируемой, в частности, М. Вебером.

Дело в том, что поворот в теоретическом сознании Сорокина в сторону циклизма не был единственным произошедшим в первой половине 1920-х годов. Примерно в то же время наметился стремительно углублявшийся разрыв автора "Системы социологии" с той версией социологического монизма, отчасти напоминавшей "социологизм" Э. Дюркгейма (чье влияние он явно испытал), в которой отчетливо прослушивались "бихевиористски", а временами и "рефлексологически" окрашенные обертоны, заставлявшие временами подозревать Сорокина в "слабости" по отношению к вульгарно-материалистическим толкованиям социальных явлений, которые предлагались не только В.М. Бехтеревым, но и И.П. Павловым.

Результатом такого поворота, завершившегося уже к концу десятилетия, стало новое толкование социального феномена, которое можно было бы определить скорее как дуалистическое, чем бескомпромиссно монистическое. Ибо отныне П. Сорокин предпочитал называть социальный феномен социокультурным – определение, которое заключает в себе изначальную двусмысленность, исчезающую из поля зрения, когда в нем вообще устраняется дефис, не только объединяющий, но также и разделяющий два "момента" этого понятия, прочно вошедшего в новую версию сорокинской социологии. Но таким образом П. Сорокин сделал решительный шаг на пути введения своей социологии в круг наук о культуре, уже проделанный за два десятилетия до него М. Вебером. В этом (но только в этом) отношении мы можем говорить об одинаковой реакции немецкого и русского социологов на первый "большой кризис" социологии, результатом которого было, в частности, возникновение и развитие наряду с "классической социологией" новой "неклассической", все дальше уклонявшейся от модели "естественных наук", на которую изначальное ориентировалась социологическая классика, превращаясь в гуманитарно ориентированную культур-социологию, предполагающую нерасторжимое единство социального и культурного аспектов исследуемых явлений.

Можно сделать следующие выводы.

1. Необходимо обратить особое внимание на имманентную связь сорокинского понятия флуктуации со смыслообразующими началами новой системы воззрений, которую Сорокин шаг за шагом разворачивает в работах последней трети 1920-х годов и прежде всего, разумеется, в книге "Социальная мобильность" (1927 г.), где это понятие выдвигается в центр концептуального построения. Такая необходимость подчеркивается парадоксальным фактом, что эта книга, давно уже считающаяся на Западе одной из основополагающих для соответствующей "отрасли" социологического знания, тем не менее, до сих пор не оценена в более широком масштабе – в качестве существенно важного фрагмента сорокинской, а именно циклистской, версии "неклассической" социологии. (Имеется в виду социология, отказывающаяся в научной релевантности таким макрокатегориям "классической социологии" XIX в. как "социальный прогресс", "социальная эволюция", "социальный закон" и т.п.). Отталкиваясь от понятия флуктуации, которую Сорокин изначально интерпретирует как своего рода "пратифеномен" циклических изменений, характеризующихся отсутствием строго определенной направленности, он последовательно релятивизирует эволюционистски толкуемую дихотомию "прогресса"-"регресса", осуществляя тем самым прорыв "по ту сторону" прогрессизма и эволюционизма.

2. Переход Сорокина на циклистские позиции не был (и не мог быть) таким легким и плавным, каким он выглядит у наших либеральных циклистов, до сих пор не тематизировавших со всей необходимой ясностью и отчетливостью всю глубину и радикальность противоположности между прогрессизмом (взятом к тому же в самом широком смысле, не исключаящем и марксизм-ленинизм), с одной стороны, и теоретико-методологически оторефлектированным циклизмом (каким его, собственно, и представлял системно мыслявший Сорокин) – с другой. Следует учесть и то, что проблема, вста-

вавшая перед Сорокиным, осложнялась необходимостью отказаться не только от прогрессистской, но и от лежащей в ее основе эволюционистской системы представлений и понятий, от традиционного понимания развития как такового.

3. Настаивая на отсутствии в фундаментальной структуре изменений названного типа сколько-нибудь определенного и устойчивого направления ("вектора") как категориальной особенности, Сорокин фактически солидаризировался со своим другом и единомышленником (во всяком случае, в данном вопросе) Кондратьевым, предпочитавшим называть эти изменения "волнообразными (повторимыми или обратимыми)" [2, с. 59], стремясь тем самым подвести их под более общее понятие. Но так же, как и Сорокин, Кондратьев усматривал коренную особенность "волнообразных" изменений в том, что они "постоянно меняют" свое направление [2, с. 59]. Этот важнейший аспект сорокинско-кондратьевского циклизма, решительно противостоявшего прогрессизму, как мы убедились, полемически заостряется Сорокиным в связи с понятием "флуктуации". Причем в критике прогрессизма он, пожалуй, гораздо более радикален, чем его друг.

4. В связи с предпринятым нами аналитическим рассмотрением "циклического поворота", которым была отмечена творческая эволюция Сорокина в 1920-е годы, возникает вопрос о сопряженности этого кризисного явления с другим переворотом, одновременно произошедшим в его теоретическом сознании. А именно резким переходом от бихевиористски-рефлексологического (в духе В.М. Бехтерева и И.П. Павлова) толкования "природы" социальности к культурологическому, переходом, нашедшем свое понятийное выражение в замене монистически толкуемой категории "социального" категорией "социокультурного" (далеко не всегда исключающей опасность дуалистического толкования, которую чувствовал и сам Сорокин, но которой ему не всегда удавалось избежать). Случайно ли это хронологическое совпадение или нет? И если не случайно, то поддается ли оно рациональному объяснению, и в чем его теоретическая разгадка? Вопрос этот тем более настоятелен, что имеется целый ряд примеров "введения" социологии в круг наук о культуре, которое никак не сопровождалось переходом его инициаторов (например, того же М. Вебера) на позиции циклизма. Этот вопрос требует специального рассмотрения, которое невозможно в ограниченных рамках предлагаемого текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1992.
2. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989.